

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 3 (56)
май —
июнь
2019

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абрамович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА,
заместитель главного редактора,
кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЕВИЧ,
ответственный редактор, кандидат
психологических наук;
Г. Ф. БЕДУЛИНА, кандидат
социологических наук, доцент;
О. В. ВАНИНА;
С. И. КОПТЕВА, кандидат
психологических наук, доцент;
Т. И. КРАСНОВА, кандидат
психологических наук;
Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических
наук, профессор;
Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических
наук, профессор;
О. В. МАТЮХОВА;
А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических
наук, профессор;
А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат
психологических наук, доцент;
Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат
психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ,
председатель, доктор философских
наук, профессор;
А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических
наук, профессор (РФ);
Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических
наук, профессор;
Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских
наук;
П. МЕРИНГОЛО, профессор
департамента психологии (Италия);
Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат
педагогических наук;
Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор
психологических наук, профессор;
И. А. ФУРМАНОВ, доктор
психологических наук, профессор;
Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии
(США);
В. А. ЯНЧУК, доктор психологических
наук, профессор

ПЕРЕЖИВАНИЕ КРИЗИСА В ДИАЛЕКТИКЕ СУБЪЕКТНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: Показана эвристичность идеи позиционировать личностный кризис как разрыв субъектности и субъективности. Субъектность как способность осознавать, выбирать и действовать формируется при внутренней сложности (образованности личности). Благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от ее способности быть субъектом в конкретной ситуации и жизни. Единство субъектности и субъективности обеспечивается мифически оформленным смыслом. Разрыв субъектности и субъективности характеризует отчужденную, деструктивную личность.

Во многом благодаря теории Л. С. Выготского образ психологически здорового человека определен идеей развития, которое реализуется в овладении культурными артефактами — орудиями труда и средствами саморегуляции. Для этого нужна специальная работа по интериоризации средств, т. е. необходимо обучение. Но выращивание и выращивание средств — это не просто оснащение, вооружение человека, когда он может быть уподоблен киборгу, очень многофункциональной, но ничего не чувствующей машине. Обучение потому и ведет за собой развитие, поскольку перестраивает мотивационно-смысловую сферу. В свою очередь эта перестройка, это превращение человека внутренне обеспечивается работой переживания. Поэтому у Л. С. Выготского человек предстает пе-

**Сергей
Никифорович
ЖЕРЕБЦОВ,**

заместитель
директора
Института
психологии БГПУ
им. Максима Танка,
кандидат
психологических наук,
доцент

ред нами как переживающий, а именно: думающий, ищущий, сомневающийся, мечтающий, пытающийся, играющий, конечно же, любящий. Причем человек развивающийся овладевает этим внутренним богатством. В этом овладении и состоит основная линия личностного развития. Итак, можно зафиксировать два круга феноменов: один конституирует *субъекта*, владеющего собой, сознающего и принимающего решения; второй круг — это феномены, по поводу которых данные решения принимаются (ценности, смыслы, интересы, идеалы, чувства, образы и т. п.), — пространство *субъективности*.

С помощью житейских примеров это можно проиллюстрировать двумя типажам. Первый — человек с сугубо рациональным отношением к жизни, но с атрофированными эмоциями, который многое понимает, часто успешен в карьере, но мало что чувствует. Второй —

человек экзальтированный, живущий в постоянных треволнениях, которого охватывают самые разные и самые сильные чувства, но который ими не владеет. Но, очевидно, есть третий способ бытия, который мы считаем важным представить в идее единства субъектности и субъективности.

Эта идея была сформулирована М. Фуко в культурологическом анализе становления человека. До него Л. С. Выготский предпочитал характеризовать переживания через единство аффекта и интеллекта. О непростых взаимоотношениях субъектности и субъективности в различных контекстах писали С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Брушлинский, В. И. Слободчиков и другие. Нам представляется, что центральным здесь оказывается слово «единство». А использование понятий «субъектность» и «субъективность» просто указывает на сложность и противоречивость ситуации человека, на его обреченность на переживания, так как личность имеет множество потребностей, мотивов, живет в изменяющемся мире, она свободна и своими выборами постоянно утверждает и одновременно преодолевает себя. Свобода и развитие, таким образом, оказываются неразрывны.

Итак, субъективность (переживание) превращает своего субъекта, а для овладения этим превращением и этой субъективностью нужен субъект: субъект превращает себя в переживании. Чем более человек внутренне богат, тем более он противоречив и тем большая необходимость в понимании этого богатства возникает.

Для кризисной психологии принципиально важным оказывается понимание личностного развития в контексте диалектики субъектности и субъективности. Более того, это единство — своеобразный идеал развития личности, когда человек свободно, осознанно и ответственно реализует свои силы в значимом для себя и других захватывающем

приключении под названием жизнь. Обостренное осознание трагизма своей единственности и конечности, но при этом переживание жизни как чудесного приключения, в котором радость бытия есть преобладающее переживание — вот конкретизация идеи о единстве субъектности и субъективности, диалектику которого важно понимать всем, кто стремится активно содействовать личностному развитию.

Позиционируя переживания человека в качестве способа его развития, корректнее говорить не о единстве аффекта и интеллекта, как у Л. С. Выготского, но именно о единстве субъекта и субъективности. Переживания можно трактовать как нечто, говоря словами Х.-Г. Гадамера, имеющее историю и вовлеченное в земные заботы, как нечто с действенно-историческим характером. Это значит, что переживания предзаданы свойственными данной культуре формой, знаком, а также необходимостью, судьбой, данностями жизни, которые могут и не осознаваться, поэтому и требуется не просто масштаб интеллекта или даже сознания, а масштаб личности. *Субъектом переживания выступает не сознание, а личность. Переживания ограничиваются культурой, они органичны личности и ее жизненной ситуации. Таким образом, переживание есть не просто факт сознания, когда вырабатывается отношение и посредством этого значение, но факт жизни, не просто проявление жизни, но сама жизнь в разнообразии отношения человека к действительности.*

Сознание полицентрично, оно у Л. С. Выготского есть динамическая смысловая система. Личность хоть и может иметь разные смысловые позиции, разные лики («Человек, словно в зеркале мир, — многолик»), все же она едина и целостна, лицо у личности одно, при всем разнообразии его выражений («И должен ни единой долькой / Не отступаться от лица...»). Человек как

субъект един и единственен. В противном случае он сам себе не принадлежит, он тотально контекстуален.

Постмодернистская констатация «смерти субъекта» фиксирует именно такое состояние зависимости, разорванности и отчужденности, предопределенности социальной структурой, невозможности выйти за пределы жизни для суждения о ней. И по этому поводу возникающий образ, что не я «играю игру жизни», а «мною играют», является ошибочным в плане универсальности и действия этой схемы в жизни всех людей, а не только тех, кто как субъект не состоялся, тех, кто оказался пойманным обществом потребления. Дело в том, что ограниченность мышления и переживаний, их детерминированность дискурсом (это принимается в постмодернизме за смерть субъекта) есть необходимое условие самой возможности и мышления, и переживаний. Субъект возможен как ограниченное образование. Оно ограничено культурой и временем жизни. Субъект всегда историчен и смертен. Но быть ограниченным и быть несвободным — не одно и то же. Я могу быть свободным как конкретный, целостный, внутренне неоднородный, то есть как живой (переживающий) и смертный человек. Быть субъектом, сделанным из каких-либо культурных средств, и сами эти средства — это различные феномены. Да, «я сделан из очень хороших людей», как поется в песне, но я — это все же не эти другие люди, пусть и важные, необходимые в моем субъектном становлении. И только по отношению к другим, а затем к себе как к Другому, возможна свобода, реализация которой требует усилия и переделки себя — то есть саморазвития.

Есть связь идеи о переживании как о процессе построения и разрушения границ и идеи о единстве субъектности и субъективности: субъект — ограниченное существо, которое ограничивает свои смыслы и значимости, т. е. овладе-

вает своей субъективностью, вступая во взаимодействия с миром. Поэтому переживание есть возможность для субъекта быть, и наоборот — субъект необходим, чтобы состоялось переживание. Реализуется эта возможность путем простраивания (ограничения) мира и себя в мире. Способом конструирования себя и мира выступает образование.

В переживании человек преодолевает внутреннюю и внешнюю заданность, занимая позицию по отношению ко всему, что задано. При этом в переживании человек стремится обрести понимание, определенность, установить некие границы. Согласно К. Ясперсу, границы рождают «самость», и, если свобода не сталкивается с ними, человек превращается в ничто; т. е. благодаря ограничениям человек приводит себя в существование. Успешное преодоление преград, мешающих построению свободной и реалистичной жизни, и смирение с непреодолимыми преградами придают нам чувство личной силы и достоинства. В связи с этим понятна мысль М. М. Бахтина о том, что человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности. Личная сила питается и субъективностью (смыслом, страстью), и субъективностью (конкретностью, осознанностью, ограниченностью). Прав был Дж. Келли, пояснявший, что детерминизм и свобода неразрывны: то, что определяет одно, есть, по тому же признаку, свобода от другого. В границах, очерченных осознанной необходимостью, человек всегда имеет выбор. Только благодаря границам человек имеет свою определенность, имеет себя, способен через развитие себя (этой конкретности) пережить кризис.

Саморазвитие, внутренне обеспечиваемое работой переживания, — способ обретения себя, единения субъекта и субъективности, преодоления и даже разрушения дискурса. С категорией субъекта постмодернизму не удалось разделаться, так как она невозможна

вне субъективности — живой вовлеченности человека в связи и отношения с другими людьми, природой и миром в целом. Именно единство субъектного начала и субъективности есть тот образ живого человека как развивающегося существа, который создан Л. С. Выготским. Такой человек способен в игровом переживании и поступке свободно превращать связи и отношения с миром, превращая при этом себя.

Наиболее ярким примером полного соединения чувственного образа и мысли выступает отношение к жизни человека во времена греческой классики. Чувственность и мысль опасно изолируются друг от друга в современной цивилизации, что угнетает человеческую субъективность, нарушает диалогичность переживания. Единство чувственного образа и мысли, субъектности и субъективности в древнегреческую эпоху обеспечивалось использованием мифа. Через миф возможно было упорядочение внутренней реальности, согласование между потребностями, эмоциями, способностями, когнициями, ценностями. (Заметим в скобках, что даже способность полагаться на себя — это тоже миф, быть субъектом — означает найти наиболее уместный миф — такой, в котором вера в свои силы является спасительной).

В мифическое отношение включено множество процессов различной этиологии. Процесс сигнификации, в полной мере представленный в мифотворчестве, выступает основанием единства психических и материальных явлений. Миф позволяет обрести связность опыта, он создает особую хронологическую целостность. Миф связывает человека с универсалиями, находящимися за пределами индивидуального опыта. Миф выступает интегратором разноуровневых образований, динамизм которых способен возвысить человека до величайших смыслов, когда его идентичность оказывается интегрированной на

более высоком уровне. То есть миф — не только «ложь во спасение», но и вдохновляющая сила, ведущая к расширению сознания, открытиям и развитию способности переживать. При этом благодаря мифу натуральный модус человека как живого не угнетается, но превращается в реалии более сложной организации, открытой всему миру и — в пределе — вечному и бесконечному. Переживание само благодаря мифу обретает некую стройность, логику и каузальность. Но эта каузальность особенная — мифическая. Жизнь человека в этом случае подчинена мифу. В переживании (как и в мифе) имеет место оборотничество (превращение) объектов (персонажей) переживания. Также имеет место превращение внутреннего и внешнего, особо акцентированное в мифе.

То есть действие мифа по отношению к субъектности человека противоречиво: являясь средством переживания, миф артикулирует субъектность, так как создается позиция «извне»; но, являясь схематизмом, миф может овладеть человеком, подчинить его себе. Мы имеем дело с ограничивающим взаимодействием человека и мифа.

Конечно, мифическое переживание противопоставляется сознанию, субъектности, свободе личности. Парадокс, однако, заключается в том, что субъектность становится отчуждающей, если она порывает связь с мифом (с корнями, с непосредственными родственными отношениями, с мечтой о райской жизни). У Выготского развитие связано с овладением, подчинением, но природа не может быть и не должна быть порабощена. Иначе — болезнь. Знание — далеко не всегда сила. Вне мифа человек не способен подняться над обыденностью и мирской суетой. Это охлаждающее влияние рационализма, выхолащивающее жизненность из бытия человека, мы наблюдаем во времена Просвещения и следующие за ним эпохи — с нарастающей силой.

Само познание, логическое мышление, направленное на понимание ситуации человека, приводит не только к критике «темного» мифического пласта, но и к признанию его жизненной необходимости, поскольку без мифа невозможны такие феномены бытия, как мечта, вера, чудо, смысл, тревога, забота, любовь. Утрата мифа — это разрыв субъектности и субъективности, что переживается личностью как кризис. Без мифа у людей атрофируется субъективность, они уподобляются теням, с которыми в Аиде повстречался Одиссей и которые просили его описать, как человеку живется на земле, хотя сами эти тени лишены переживаний и понять Одиссея не в состоянии. Миф есть укорененность в бытии и сама конкретность жизни, что неслучайно многократно и в разных адресациях и корреляциях повторяется А. Ф. Лосевым.

Человеческая жизнь и на уровне сознания, и на уровне мифа есть жизнь, разделенная с другими. Миф историчен, он позволяет состояться связности прошлого, настоящего и будущего. Личность неотрывна от истории общества с его мифами. Вне мифа человек утрачивает чувство истории, сопричастности, отчуждается и переживает одиночество, депрессию. Именно в этом причина отчаянного состояния современного человека, победившего миф, но не испытывающего интереса к истории, переживающего свою изоляцию и оказавшегося проигравшим. *Миф как разделенное верование социально-психологичен. Отношение к Другому — это не просто характеристика человеческого бытия, это его сущность. Поэтому индивидуальная жизнь в своем пределе есть жизнь всеобщая, что и заключено в мифе.* Именно в такой трактовке жизнь в мифе можно вслед за Т. Манном назвать праздником. Именно в этом смысле психотерапию Р. Мэй характеризует как поиск человеком своего собственного мифа. Именно в этом

смысле А. Адлер противопоставлял свой социальный интерес прогрессирующему на Западе нарциссизму и говорил о необходимости для психологически здоровой жизни фикционного финализма (главного мифа жизни). Именно жизнь в органичной субъекту системе мифов Ф. Ницше называл «человеческим, слишком человеческим». *Именно напряженное единство рационализма и мифизма сознания позволяет состояться игровому переживанию, а последнее есть особое качество данного единства — жизни свободной, сознаваемой, включенной, необыденной, творческой, драматичной, трагичной и радостной одновременно. Игровое переживание характеризуется одновременным удержанием отношения к мифу, во-первых, как к средству с признанием его относительности и, во-вторых, как к чуду жизни, как к череде превращений на пути к мифической родине.*

Миф как возможность жить в универсуме угрожает субъектности современного человека. Но еще большей угрозой выступает паралич субъективности, когда мы имеем бессмысленное, «дырявое бытие», когда человек не позволяет себе быть увлеченным мифически оформленной страстью. Одинокая судьба человека XXI века обусловлена усилением индивидуализма, который выродился в нарциссизм, то есть индивидуализм не стоит путать с изоляцией, отчуждением человека, не включенного в значимые отношения, значимые именно в самом содержательном плане — плане искренней заинтересованности и соучастия в судьбе Другого. Нарциссизм — это самолюбование, но не любовь к себе, это заикленность на себе испуганного человека, который постоянно мечется от восприятия своей грандиозности к пониманию своей ничтожности. Нарцисс почти всегда травмирован детством, его благополучие всегда было обусловлено чем-то, он не имел опыта безусловного принятия и любви. Р. Мэй

отмечал, что нарциссизм уничтожает индивидуальность. Проявлением такой «дурной индивидуальности», называемой нарциссизмом, является и то, что все большее распространение в современной культуре получает себялюбие, комфорт, удовольствие вместо принятия себя, осмысленного труда, общения, радости. *Переживание удовольствия принципиально отличается от радости. Удовольствие связано с телом, радость — с личностью, владеющей своим телом. Радость — это яркая иллюстрация такого состояния, когда субъект открывает свой внутренний мир, а этот мир дарит богатство переживаний. Радость характеризует волевого человека, означает способность жить сильно. Усилия направлены к мифически оформленному смыслу.*

Миф жизни — это замысел способа быть, это проект мира и себя в нем. По Л. Бинсвангеру, душевное здоровье предполагает осознание своего способа конституирования мира и как следствие — открытость по отношению к предоставляемым судьбой возможностям. Важно не просто иметь миф жизни, но и понимать его относительность: захваченность своим способом конституирования мира (особым проектом мира), неспособность осознать его приводит к психическим заболеваниям. Экстремальное проявление такой «захваченности» — галлюцинации, когда человек видит только то, что позволяет ему увидеть его миф, его проект, когда реалистичность утрачивается.

В педагогической практике компетентностное обучение, а в психологической помощи проблемно ориентированная психотерапия, к сожалению, занимают место обучения и терапии, центрированных на человеке. Человек без единства субъектности и субъективности просто бегаем по кругу от решения одной проблемы — к решению другой, и этому нет конца. Чтобы быть индивидуальностью, надо не только быть

субъектом, но и обладать соучаствующей субъективностью, в составе которой есть забота. Вне заботы, как обосновывал М. Хайдеггер, субъектность не может реализовать себя, человек теряет волю потому, что теряет смысл (субъектность утверждается в заботливом усилии, во внутренне напряженной субъективности). Как говорится, надо не только «выделиться» из когорты, но и «выделаться», переживать свою субъектность включенной в ценностно-смысловое пространство сообщества значимых людей.

Нарушение единства субъектности и субъективности отражено в искусстве, литературе. Так, в фильме И. Бергмана «Земляничная поляна» главный герой (профессор на склоне лет, который едет получить какое-то новое звание за заслуги перед обществом) говорит: «Я видел во сне то, что чувствую наяву: я умер еще при жизни». То же мы встречаем и в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в которой смертельно больной Иван Ильич заключает: «Чем больше в общественном мнении я шел в гору, тем больше из-под меня уходила жизнь». Переживание при таком образе жизни становится как бы сужающимся. Жизнь как путь, переживание как процесс завершаются, застывают. Жизнь становится отдаленной от субъекта или даже чужой.

Личность — это субъектность и осмысленность, а воля — осмысленный поступок, активность по замыслу, определенному субъектом. Волю Л. С. Выготский полагал как основное свойство личности. У психически больного человека или у умственно отсталого ребенка воля отсутствует, так как страдает осмысленность, т. е. «значение для меня». Нет понимания значения для меня — человек отчужден, что является основной чертой шизофрении. Переживания у безвольного человека выхолощены: нет осмысленного действия, нет переживания включенности (значения для меня),

нет субъекта, нет субъективности. Паралич субъекта (безволие) инвалидизирует субъективность или совершенно парализует ее (возникает кататония). Воля — это реализация свободы. Вне свободы воля невозможна, поскольку свободный тот, кто по своему выбору действует осмысленно. Человек переживающий, который находится в процессе осуществления выбора, — это человек развивающийся, он не равен себе, он преодолевает себя наличного.

Личность, желающая реализовать именно личностный уровень бытия, стремящаяся жить насыщенно и неотчужденно, полагающая необходимым реализовать свои основные значимости, — это личность в развитии, живущая включенно и осознанно, напряженно и активно, интересно и азартно. Такая личность выступает органом понимания и реализации главных сущностных сил — любви и творчества. Такой человек вне зависимости от сферы деятельности оказывается одновременно философом и художником жизни. «Философ» в человеке обеспечивает понимание и субъектность, «художник» «отвечает» за переживание вовлеченности и чудесного превращения, то есть за «вкус жизни».

В такой трактовке проблема единства субъектности и субъективности оказывается релевантной предложенному Л. С. Выготским выходу психологии из методологического тупика, состоящему, как известно, в реализации принципа практики и философии. Практика психолога должна быть осмысленной, а философия практичной. Интересно, что этот принцип важен не только для выживания психологии как науки, но и для человека в его попытках быть живым. Без привлечения человеком философских средств в свою практическую жизнь проблемы переживания смысла и веры, ценностей и значимостей, свободы и необходимости, любви и заботы (заметим, исключительно

психологические проблемы) просто не могут решаться. «Человек переживающий» как особый образ, с которым имеет дело гуманитарная психология, есть прежде всего человек с напряженным чувствованием жизни, с обостренной экзистенциальной позицией, пытающийся сформировать отношение к бытию. Но универсального отношения нет и быть не может, поэтому человек как субъект жизни есть практикующий философ. Мера философствования и понимания жизни определена степенью включенности в культурный процесс (здесь мы опять упираемся в проблему развития, которое реализуется через обучение и делает человека человеком). Средства конституируют субъекта, но необходимость средств определяется субъектом — это противоречивое единство никогда не может полностью разрешиться и именно оно составляет движущую силу развития и затем определяет характеристики субъективности.

Таким образом, личностные переживания заданы социокультурно, но не даны извне, они предстают перед человеком таким образом, что он их воспринимает как будто они и есть он сам. Переживающая личность в этом плане обладает всеобщностью, она «открыта в человечество», она имеет смыслы, понятные и насущные для всех. Идея единства субъектности и субъективности и состоит в том, что определенные универсалиями (артефактами) переживания личности выступают свидетельством ее жизни, такой единой и единственной. Благодаря субъектности человек обретает власть и силу. Благодаря субъективности он имеет внутреннее богатство. Смысл, мифически оформленный, есть мост между субъектностью и субъективностью. Благодаря этому человек избегает ловушки отчуждения. И только когда субъект и субъективность разводятся, человек раскалывается, он оказывается в изгнании: земляничная поляна его не трогает.